А.А. Галкин

РОССИЯ КАК СУБЪЕКТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ[1]

Серьезные глобальные сдвиги, происходящие ныне, требуют обновленного осмысления проблем внешней политики. О том, какое место в мире надлежит занять стране, согласия в российском обществе нет. Предлагаются различные, в том числе эксцентричные варианты. Тем не менее при всем их разнообразии можно вычленить два главных подхода. Они различаются по пониманию национальных интересов, по оценке ресурсов, по определению наиболее вероятных потенциальных партнеров, шкалы предполагаемых действий и этапов движения к поставленным целям. Первый из этих подходов можно было бы условно назвать суверенно-активным, второй подчиненно-пассивным.

Рассмотрим эти подходы более детально.

Выбор стратегии

Суверенно-активный подход исходит из того, что, несмотря на интенсивную глобализацию, на протяжении обозримого времени основную, устойчивую форму организации социумов по-прежнему составят нации и, следовательно, национальные государства. Это обусловлено рядом объективных обстоятельств.

Во-первых, за столетия существования государственных сообществ сложились национальные экономические пространства, обеспечивающие необходимые условия для развития производства и сохранения исторически сложившегося уровня жизни. Правда, сейчас герметичность этих пространств приобрела относительный характер. Тем не менее их роль все еще значительна — даже там, где национальные государства входят в состав более широких объединений (например, Европейского союза). И так, судя по всему, будет продолжаться еще длительное время.

Во-вторых, в пределах национальных государств возникли и утвердились правовые пространства, значение которых не только сохранилось, но в ряде случаев даже возросло. На базе национальных сообществ укрепились современные политические режимы. В наиболее развитых странах их основу, как правило, образуют демократические институты и процедуры. Весьма велика также роль национальных правовых пространств в удовлетворении социальных потребностей граждан. Поэтому их сохранение отвечает коренным интересам подавляющего большинства людей.

В-третьих, существование в рамках национально-государственного организма длительное время рассматривалось общественностью как

[1] Подготовленный для «Политии» вариант главы из готовящегося к изданию коллективного труда «О России с надеждой и тревогой». При работе над главой были использованы результаты исследования в рамках проекта 07 03 00074а, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

гарантия безопасности от внешних посягательств. Разумеется, гарантия эта всегда была относительной. История возникновения и существования нынешних наций была в то же время историей войн и за сохранение, и за расширение государственных территорий. Но, как известно, все познается в сравнении. Чувство безопасности в рамках сильного национального государства было всегда бóльшим, чем в регионах племенной и феодальной раздробленности. И это обстоятельство прочно зафиксировалось в исторической памяти людей.

В-четвертых, за многие десятилетия, а то и столетия существования национальных общностей в каждой из них сложилось устойчивое единство привычного образа жизни, языка и культуры. Разумеется, такое единство не абсолютно. Существуют и успешно функционируют многонациональные государства. В отдельных мононациональных общностях сохранились признаки исходной этнической специфики. Образ жизни во многом зависит от социального статуса и экономического положения того или иного слоя. Это же можно сказать и о культуре. В многоэтничном государстве, наряду с общенациональным языком, нередко распространены региональные языки и диалекты. Тем не менее, как правило, общие культурные признаки нации доминируют над частными.

Немалую роль в упрочении уже существующих наций играет и то, что противоречивость глобализации, характерная для ее нынешнего этапа, не только способствует размыванию границ, маркирующих сферу существования наций, но и косвенно содействует их укреплению.

Признание относительной устойчивости существующих национальных государств, в свою очередь, предполагает наличие у них национального интереса. Трактовка этого интереса может быть различной: широкой — включающей учет интересов глобальной и региональной общности, или узкой — признающей лишь потребности собственного социума, собственного государства. Но, как свидетельствует опыт, этот интерес существует, и задача внешней политики — отстаивать его, используя для этого все доступные международно-признанные способы.

При оценке ресурсов и возможностей России суверенно-активный подход исходит из неизбежного — более того, необходимого — признания геополитических, экономических, социальных и нравственно-идеологических потерь, которые понесла страна в 90-е годы прошлого века. Бессмысленно отрицать, что распад СССР (фактически — большой России) положил начало принципиальному изменению мирового и регионального балансов сил. Россия перестала быть супердержавой и, следовательно, одним из столпов, на которых зиждилось пусть не очень устойчивое, но тем не менее продолжительное международное равновесие. Для самой России этот распад обернулся резким сокращением внешнеполитического веса и, соответственно, способности отстаивать свои интересы на мировой арене. Решающую роль при этом сыграли территориальные и демографические потери, а также длитель-

ный системный кризис, последствия которого болезненно сказываются и поныне.

Вместе с тем, несмотря на серьезный урон, понесенный Россией в 90-е годы, она остается и, судя по всему, будет оставаться и впредь крупным и влиятельным игроком на международной арене. Это обусловлено рядом обстоятельств. Все еще сохранилась значимость России как фактора мирового развития. Это ощущается не только на европейском пространстве, но и далеко за его пределами. Россия по-прежнему обладает статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и, соответственно, правом вето на его решения. Она входит в состав «большой восьмерки» — элитарного клуба наиболее развитых стран мира. Будучи в прошлом одной из ведущих ядерных держав мира, она, несмотря на разруху 90-х годов, сумела в основном сохранить сдерживающий уровень ядерного потенциала. На ее территории находятся огромные запасы природных ископаемых, в том числе углеводородного энергетического сырья, что делает Россию важным торговым партнером зарубежных развитых государств. Немалое значение имеют сохранившиеся научные и научно-технологические заделы и относительно высокий интеллектуальный уровень населения

Равнозначна ли эта констатация стремлению возвратить России статус сверхдержавы? Нет, не равнозначна. Геополитические модели, которые разрабатывают некоторые внешнеполитические маргиналы, — чисто умозрительные конструкции, не имеющие отношения к реальной жизни. И дело тут не только в ограниченных материальных и духовных возможностях России. Дело еще и в том, что сам феномен сверхдержавы является чисто ситуационным, обусловленным, если говорить о второй половине XX века, расколом мира на две четко очерченные и жестко противостоящие друг другу общественные системы. В условиях такого противостояния неизбежно появляются страны-лидеры, воспринимаемые как супердержавы. Исчезновение противостояния делает сохранение супердержав не только излишним, но и мало реальным.

Это хорошо видно на опыте Соединенных Штатов. Их стремление сохранить статус супердержавы в условиях, когда для этого не осталось объективных оснований, неизбежно выродилось в претензию на глобальное господство, которая, в свою очередь, противопоставила их большинству стран мира, втянула в военные авантюры. Уже сейчас очевидно, что сохранение этого курса чревато потерей США даже уже завоеванных позиций.

России нужен не статус супердержавы, а уверенность в том, что в новых условиях, формируемых процессами глобализации, она будет иметь возможность спокойно решать свои проблемы, открываясь по отношению к внешнему миру в такой степени, в какой это объективно необходимо и соответствует ее интересам.

Будет ли в этом случае она рассматриваться как великая держава или нет, существенного значения не имеет. Скорее всего, будет, учитывая ее размеры, возможности развития, интеллектуальный потенциал —

особенно если она найдет в себе силы положить конец разрушительному радикально-либеральному курсу в экономике и идеологически обусловленному самоедству.

Активно-суверенный подход к роли России на мировой арене учитывает также следующее важное обстоятельство. В общественном сознании ее населения все более прочно утверждается восприятие своей страны как особой, специфической цивилизации, примыкающей к семье европейских цивилизаций, однако по ряду параметров не идентичной им. Для этого восприятия имеются весомые объективные основания.

Русский этнос, составляющий стержень российской государственности, сложился и развивался на стыке самых различных цивилизационных влияний: духовного наследия западной Римской империи в ее германизированном варианте, Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, и так называемого «Поля» — совокупности кочевых народов, с которыми древние русские княжества соседствовали веками. И не только воевали, как это можно судить по сказам и былинам, но также поддерживали устойчивые, нередко родственные отношения. Свой отпечаток на формирование российской цивилизации наложило более чем двухсотлетнее пребывание значительной части русских княжеств в зависимости от Золотой Орды.

Цивилизационная специфика населения России в существенной степени обогащена сложностью исходной этнической базы, на которой сложились как сама русская нация, так и другие исконно проживающие на российской территории народы. Эта база обеспечила превращение таких нравственных характеристик, как добрососедство, терпимость, способность к взаимообогащению, в неотъемлемые черты национального характера.

Немалую роль в формировании особой цивилизации сыграли суровые климатические условия и масштабы пространства, на котором расселялись племена, образовавшие впоследствии русскую нацию. Северный климат, характерный для большинства земель, ставших постоянным местом их обитания, сообщал особое значение групповому поведению, служившему важным условием выживания. Отсюда особая устойчивость общинных отношений, ставших неотъемлемой чертой русского социума, и связанные с этим традиции взаимопомощи и взаимовыручки.

Наличие огромных неосвоенных пространств во многих случаях способствовало сравнительно безболезненному разрешению противоречий, неизбежно возникавших в формировавшемся общественном организме, — прежде всего вокруг права собственности на землю. В крайнем случае существовала возможность для одной из сторон, реагируя на назревший конфликт, уйти на новые земли.

Бытует представление, будто историческое прошлое русского народа, на протяжении многих столетий находившегося под гнетом ино-

странных захватчиков и своих собственных абсолютных властителей, пережившего длительную полосу крепостных отношений, не имевшего традиций самоуправления, выработало у него устойчивый менталитет, основные черты которого — терпеливость, покорность, непритязательность, неверие в свои силы и общественная пассивность.

Обращаясь к прошлому в поисках подтверждения этого представления, его сторонники обычно крайне вольно обращаются с российской историей, выдергивая из нее отдельные эпизоды. Разумеется, в истории России было немало тяжелых и даже трагических страниц. Испытания, естественно, не проходили бесследно для общественного сознания. Они накладывали на него глубокий отпечаток, формируя массовые стереотипы восприятия и поведения. Но реальная история состояла не только из этих страниц.

Непредвзятое обращение к ней позволяет выявить множество событий, вырабатывавших в общественном сознании противоположные качества. Огромные пространства, на которых расселялись восточнославянские и иные племена, сложившиеся впоследствии в русский народ, суровые условия существования не только способствовали, но, напротив, нередко и препятствовали чрезмерной централизации, доминированию высшей государственной власти. Отсюда широкое распространение уже на ранних этапах становления национальной идентичности начал общинного самоуправления и социальной активности. Все последующие попытки подавить и разрушить эти начала наталкивались на ожесточенное сопротивление.

Под воздействием этой стороны истории русского народа в его сознании (и, соответственно, в поведении) утвердились такие черты, как вольнолюбие, стремление к самостоятельности в решениях и действиях, пренебрежительно-насмешливая реакция на поступающие сверху указания и законы, склонность к анархизму и т. д. И все это причудливо переплетается с теми качествами, на которые делают упор сторонники изложенного выше представления.

Отсюда крайняя противоречивость русского национального характера, объединившего в себе самые различные черты — терпеливость и нетерпимость, покорность и бунтарство, пассивность и взлеты крайней активности, нередко выходящей за рациональные рамки. Разумеется, в различных группах общества эти черты, в зависимости от ситуации, проявляются в различных сочетаниях.

Детальный и всесторонний анализ российской цивилизации не входит в задачи данного изложения. Представляется, однако, что уже отмеченного достаточно, чтобы обосновать точку зрения, согласно которой существование особой российской цивилизации — реальность, без учета которой невозможна объективная оценка происходящего в современном мире.

Признание данного обстоятельства делает бессмысленными рассуждения, с какими из существующих цивилизаций, западными или восточными, надлежит слиться России, или виртуальное конструирова-

ние цивилизационных гибридов вроде «евразийства» или «азиоевропейства». Вместе с тем оно не исключает того, что российская цивилизация содержит множество ценностей, общих с западноевропейскими в их англосаксонской (германской) и романской (средиземноморской) ипостаси.

Не приходится удивляться, что в этих условиях любые попытки отказать российской цивилизации (а следовательно, и российскому государству) в праве выбора своего пути социально-экономического развития, в праве на проведение собственной, специфической внешней политики вызывают в России решительное неприятие на самом массовом уровне. И не считаться с этим не в состоянии ни одна политическая сила, претендующая на серьезное политическое влияние в стране.

Не менее важно и то, что в современных условиях, когда новые формы контакта цивилизаций приобрели беспрецедентные масштабы, а дефицит регулятивных механизмов резко усилил возможность их перерастания в силовые конфликты, российская цивилизация благодаря своей внутренней дуалистичности может стать (с большими шансами на успех) тем посредником, который сумеет наладить необходимый уровень взаимодействия ныне противостоящих цививилизаций, предложить пути их сближения и снятия в отношениях между ними силового элемента.

Специфика цивилизационной характеристики предопределяет стратегические цели, стоящие перед российской внешней политикой. Ей надлежит исходить из своего собственного понимания мировой ситуации и перспектив ее развития. Это, в свою очередь, предполагает как активное участие в процессах, определяющих динамику миропорядка, так и решительную защиту национальных интересов своей страны. Впрочем, в содержательном смысле между этими двумя установками нет существенных различий.

Естественно, что при выработке современной стратегии России приходится учитывать, во-первых, движение к глобализации, которое, судя по всему, будет набирать силу по крайней мере в ближайшие годы, а то и десятилетия; во-вторых, прогрессирующее нарастание противоречий между богатыми и бедными частями мира, обусловленное многими объективными особенностями нынешнего мирового развития и не в последнюю очередь негативными последствиями реализуемой ныне глобализационной модели; в-третьих, принципиальное изменение расстановки мировых сил, стимулируемое все более явным кризисом глобальной политики Соединенных Штатов и серьезным укреплением международных позиций «новых гигантов» — Китая, Индии и, вероятнее всего, Бразилии; в-четвертых, обусловленную этим опасность неконтролируемого нарастания мирового хаоса и, соответственно, усиливающуюся объективную потребность в коллективных действиях по упрочению миропорядка.

Первостепенной задачей должно стать дальнейшее наращивание усилий, нацеленных на формирование системы международных отно-

шений, отвечающей реалиям XXI века и способной гарантировать стабильное и безопасное развитие человеческого общества на обозримое время.

Все это, в свою очередь, требует:

— укрепления международного доверия к России, к ее внешней политике путем повышения степени ее предсказуемости и решительного отказа от любых внешних проявлений великодержавной громогласности, хвастливости, нарочитой игры мускулами;
— концентрации усилий, направленных на разработку новых подходов к характеру взаимоотношений между государствами (в том числе относящихся к различным цивилизациям) в изменившихся условиях, всяческой популяризации этих подходов, наращивания международных контактов, имеющих целью их согласование и реализацию;
— признания оправданности (и неизбежности) разнообразия культур, ценностных ориентаций и типов организации социумов (принцип «мира миров»);
— содействия созданию новых международных институтов (или коренной реорганизации старых) в тех случаях, когда этого требуют меняющиеся обстоятельства;
— активного участия в работе существующих международных организаций и в международных мероприятиях;
— стимулирования новой кодификации основных положений международного права, его приведения в соответствие с реалиями настоящего времени — и прежде всего прекращения практики двойных стандартов, повышения действенности зафиксированного в общепризнанных документах запрета на применение силы и угрозы силой в международных отношениях;
— наращивания усилий, направленных на возобновление прекратившегося в последние годы процесса разоружения и на присоединение к нему новых государств;
— сближения со странами, проявляющими готовность сотрудничать с Россией, имеющего целью создание вокруг нее дружественного окружения;
— противодействия решениям, результатом которых могло бы стать игнорирование интересов менее влиятельных или отставших в своем развитии стран, их дискриминация;
— тщательного учета процессов глобализации и их использования для развития национальной экономики и улучшения условий существования населения;
— категорического противостояния любым попыткам извне, направленным на то, чтобы ущемить интересы России, будь то экономическая, геополитическая или военная сферы[2].

Суверенно-активный подход к внешнеполитической ориентации России был положен, хотя и не без колебаний и не вполне последова-

[2] *См. Лавров С. Демократия, международное управление и будущее мироустройства // Россия в глобальной политике. — 2004. — Т. 2, № 6. — С. 8—16.*

тельно, в основу ее практической политики в первые годы нового столетия и дал, как представляется, положительные результаты.

Неприятие этого подхода рядом экспертов и политическими силами радикально-либерального лагеря отражает принципиально иную концепцию внешней политики. Каковы же аргументы, которыми они обосновывают свою позицию?

В их основе лежит представление, согласно которому нынешний уровень глобализации во все большей степени сводит на нет значение национальной идентичности. Этот процесс развивается с нарастающей силой и вскоре окончательно сметет и государственную обособленность, и гарантирующие ее государственные границы. На этом фоне ориентация на государственный суверенитет и склонность все еще сохранившихся национальных сообществ сберечь устоявшийся образ жизни, языковую и культурную самобытность следует рассматривать как проявление отсталости и фундаментализма. Соответствующим образом надлежит оценивать и категорию национального интереса. В тех случаях, когда ее кладут в основу внешнеполитической деятельности, за этим скрывается либо очевидный групповой эгоизм, либо непроходимая провинциальность.

Другим ключевым элементом позиции сторонников этого подхода является открытое (или подразумеваемое) отрицание многообразия человеческого сообщества. Для них оно состоит из двух частей: цивилизованной и не- (или слабо-) цивилизованной. К цивилизованной относят США, Канаду, Австралию, страны Западной (и, с некоторыми оговорками, Центральной) Европы и Японию, к нецивилизованным или «недоцивилизованным» — весь остальной мир. Основанное на этом подходе представление о путях развития человечества выглядит следующим образом: магистральный путь в будущее прокладывают цивилизованные страны; другим надлежит следовать по этому пути, пытаясь, насколько возможно, догнать первопроходцев (теория «догоняющего развития»). Различия между теми и другими объясняются в основном успехами первых и отставанием других. Отсюда и выводы для российской внешней политики: ее долг — неуклонно придерживаться ориентации на цивилизованные страны, не отклоняться от намеченного ими пути, не проявлять излишней самодеятельности, изобретая давно изобретенный велосипед.

Немалую роль в аргументации многих (хотя, безусловно, далеко не всех) сторонников этого подхода играет негативная оценка исторической роли России. Для них она — неизменный источник мракобесия, тормоз для развития у себя дома и за его пределами, постоянная угроза для соседей. Эта оценка считается правомерной для самых различных этапов развития страны — от Средневековья до последних десятилетий существования Советского Союза. Отсюда нередко звучащее требование к нынешнему российскому государству покаяться за все грехи прошлого[3].

[3] Кортунов С. Россия не сердится, а сосредотачивается // Россия в глобальной политике. — 2005. — Т. 3, № 5. — С. 55.

В соответствии с этим подходом геополитические потери России оцениваются как естественная и справедливая плата за столетия державной, имперской политики, а ослабление ее влияния на мировой арене — как своего рода возвращение к нормальному существованию в качестве обычного государства «второго эшелона». Основная задача внешней политики России видится в приведении своих установок в соответствие с новым статусом.

Для подтверждения тезиса о России как государстве «второго эшелона» обычно используются ссылки на ее нынешнее отставание от экономически наиболее развитых стран Западной Европы и США и на иные трудности, обусловленные катастрофическими реформами 90-х годов. При этом за аксиому принимается тезис, согласно которому такое отставание будет определять положение страны если не всегда, то, по крайней мере, на протяжении длительного времени. Делаются намеки и на то, что повышение внешнеполитической активности России может вызвать недовольство ее потенциальных «цивилизованных партнеров» и тем самым подпортить ее имидж. Часть сторонников этого подхода считает, что нехватка материальных и финансовых ресурсов, обусловленная экономическим отставанием России, делает неизбежной ее внешнеполитическую пассивность на международной арене. Апеллируя к прошлому опыту страны, они утверждают, что пассивность во внешней политике — не обязательно зло, она может принести и пользу. Для подтверждения данного тезиса обычно используют ссылки на известный тезис Александра Горчакова «Россия сосредотачивается», сформулированный им после катастрофического поражения России в «Крымской войне» 1853—1856 годов и призванный оправдать вынужденный краткосрочный паралич российской внешней политики. Тем самым беда выдается за добродетель. Некоторые, правда, избегают использовать понятие «пассивность», учитывая его явно негативный привкус и считая более приемлемым упор на необходимость и неизбежность «умеренности» при отстаивании Россией своих национальных интересов.

В интересах «сосредоточения» России предлагается переосмыслить избранную в последние годы стратегическую ориентацию на многовекторность и многополярность, на свой специфический путь. Многополярный мир объявляется крайне опасным для России, поскольку в нынешнем своем состоянии она не дотягивает до статуса одного из полюсов; в таком мире ее разорвут на части возникающие новые полюса. Поэтому ей гораздо спокойнее существовать в однополярном мире, опираясь на уже существующий полюс (то есть на Соединенные Штаты). Что же касается своего специфического пути, то, согласно той же системе взглядов, Россия не раз пробовала двигаться по нему, и это каждый раз приводило ее к национальной катастрофе.

Решение вопроса о внешнеполитической ориентации России неправомерно увязывается тут с задачами ее модернизации. Предполагается, что в вопросах внешней политики России следует ориентировать-

ся прежде всего на те государства, которые уже освоили инновационный тип развития и создали то самое общество, к которому надлежит стремиться — тем более, что они (в первую очередь страны Западной Европы и США) не только составляют стержень цивилизованного мира, но и входят вместе с Россией в «христианский ареал». При этом полностью игнорируется то, что действительно необходимая модернизация народного хозяйства России может быть осуществлена лишь в результате ее активного участия во всей системе мирохозяйственных связей и вовсе не предполагает односторонней внешнеполитической ориентации.

Некоторые из положений, выдвигаемых сторонниками данного подхода, могут показаться не лишенными смысла. Действительно, активная внешняя политика требует существенных затрат, которые непросто нести оправляющейся от недавних экспериментов России. Однако, констатируя это, следует постоянно помнить, что мы живем пока в сложном и нестабильном мире, и что основные потенциальные угрозы нашему социуму исходят извне. Поэтому чем спокойнее во внешнем окружении, тем безопаснее для нас. Отсюда неизбежный вывод: затраты на внешнеполитическую активность за пределами страны, разумеется, используемые эффективно, на порядок меньше, чем те, которые пришлось бы нести, если бы внешняя нестабильность перехлестнула наши границы.

Обратимся к другому аргументу. Вряд ли кто-либо будет отрицать, что в некоторых развитых странах накапливается заметное раздражение, вызванное ростом внешнеполитического веса нынешней России. И это вполне объяснимо. На протяжении ряда лет она воспринималась ведущими державами мира как «ничейное пространство», населенное несмышлеными аборигенами, а следовательно, не столько как субъект, сколько как объект международных игр. Подобная трактовка стала привычной, а отход от нее воспринимается как нарушение утвердившихся порядков. Самостоятельное поведение «объекта», его внешнеполитические инициативы и активная защита своих интересов не вписываются в эту картину. Отсюда участившиеся попытки прикрикнуть на Россию, попугать ее, используя для этого как прямые, так и косвенные средства, — в том числе стимулирование целенаправленных кампаний в средствах массовых коммуникаций, так называемые «информационные утечки» и т. д. Этого, однако, не следует бояться. Как только станет окончательно ясно, что подобные действия не дают ожидаемого эффекта, информационные атаки затихнут и взаимные связи, диктуемые реальными интересами, придут в норму.

Еще один сюжет. Разумеется, отношения с экономически наиболее развитыми странами весьма важны для России. Из этой констатации, однако, вовсе не вытекает, что они должны строится по принципу «ведомый и ведущий». И дело тут не в столкновении амбиций. О том, чем оборачиваются такие отношения, убедительно свидетельствует сравнительно недавний опыт. На протяжении всех 90-х годов Россия

вела себя по отношению к своим западным партнерам как послушный ученик, безоговорочно следующий указаниям строгого, но справедливого учителя. Какими же были итоги подобной политики?

Варшавский договор, составлявший оборонительный щит Советского Союза, был распущен. Предполагалось, что в качестве ответного действия будет ликвидирована противостоявшая ему организация Североатлантического договора (НАТО). В действительности она не только сохранила, но даже нарастила свои структуры, в частности, присвоив функции жандарма за пределами прежней зоны действий. Достаточно вспомнить о варварской бомбардировке сербских городов и коммуникаций в порядке наказания за попытку сохранить целостность своего государства.

Предполагалось, что бывшие союзники России по Варшавскому договору, выйдя из него, приобретут нейтральный статус. Вопреки этому они вскоре были инкорпорированы в НАТО. В результате военные структуры этого союза существенно приблизились к российским границам. Затем, не встретив должного противодействия, страны Западной Европы и Соединенные Штаты двинулись дальше. Они начали энергично втягивать в свою орбиту бывшие республики Советского Союза, вытесняя Россию из постсоветского пространства, как на Западе, так и на Юге и Востоке.

Стоит ли этому удивляться? Вряд ли. Благожелательность и бескорыстие, к сожалению, еще не стали определяющими мотивами поведения государств на мировой арене. На ней доминируют жестокие порядки. Слабого оттесняют, бездеятельного обирают. Поэтому, желая добра своей стране, своему народу, следует стремиться, чтобы его государство было и деятельным, и сильным.

Явные неудачи и прямые провалы российской внешней политики 90-х годов, основанной на подчиненно-пассивном подходе, побудили многих его наиболее квалифицированных сторонников внести в него коррективы. Некоторые аспекты этой политики (в первую очередь концепция «добровольного подчинения») подверглись критике. Была признана несостоятельность ориентации на пассивность, подчеркнута необходимость более энергичной защиты национальных интересов. Однако основные характеристики позиции, описанной выше, остались прежними. Сохранилось, в частности, решительное неприятие суверенно-активного подхода к задачам внешней политики, который оценивается не иначе как «реваншистский». Продолжается постоянное подчеркивание второстепенности внешнеполитических задач, стоящих перед страной, по сравнению с внутренними. Всячески рекомендуется уступчивость по отношению к партнерам — даже за счет национальных интересов, если они не могут оцениваться как жизненно важные. При рассмотрении наиболее перспективных направлений внешнеполитической ориентации предпочтение отдается странам Запада — даже в тех случаях, когда они не проявляют чрезмерного дружелюбия к России. Явно недооцениваются масштабы и направленность различных форм давле-

ния, оказываемого на Россию извне некоторыми влиятельными государствами[4].

Судя по всему, в ближайшие годы суверенно-активный подход к внешней политике будет по-прежнему подвергаться ожесточенным атакам.

[4] См. Российская внешняя политика перед вызовами XXI века // Стратегия для России: повестка для президента — 2000. Совет по внешней и оборонной политики. — М., 2000. — С. 59—104.

Тактические задачи и потенциальные партнеры

Выбор стратегии влечет за собой соответствующие тактические подходы и решения. При этом приходится считаться как с противостоящими стратегиями, так и с реальными трудностями, обусловленными историческими наслоениями и конкретными обстоятельствами.

В тактическом плане на первом месте среди внешнеполитических задач, которые предстоит решать России, стоит нормализация и углубление отношений с приграничными странами, образующими, как это иногда называют, ее ближайший и наиболее существенный геополитический пояс безопасности. Основу такого пояса составляют государства, возникшие на постсоветском пространстве. Отрицание значимости такого подхода равнозначно заведомому игнорированию внешнеполитических интересов России.

Между тем ситуация на этом внешнеполитическом плацдарме складывается непросто.

Возникшее на пространстве бывшего Советского Союза Содружество Независимых Государств (СНГ), замышлявшееся первоначально как некая хотя и лабильная, но тем не менее реальная общность, не оправдало возлагавшихся на него ожиданий. Оно фактически стало формой того, что получило наименование «цивилизованного развода».

Подобное развитие было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Существуют некоторые общие закономерности становления государств непосредственно после приобретения ими национальной независимости и суверенитета. Одна из определяющих — гипертрофированное стремление к самостоятельности как форме самоидентификации и самоутверждения. Это в решающей степени сказывается на поведении новых властвующих элит, стремящихся в полной мере и незамедлительно реализовать появившиеся карьерные возможности, что на первых порах находит отклик и в массовых слоях населения. Обычно потом накал страстей ослабевает. Однако за истекшее время складываются и затвердевают психологические и политические реалии, преодоление которых требует существенных усилий.

Немалую роль сыграл тяжелый структурный кризис, который переживала Россия, выступавшая как стержень СНГ. Пораженная этим кризисом, она не стала и не могла стать тем центром притяжения, существование которого было необходимо, чтобы минимизировать начавшуюся дисперсию и придать ей обратное направление.

Негативный вклад в «разбегание» получивших независимость республик внесла влиятельная часть политической элиты, пришедшей к власти в России. Ее поведение определялось представлением, что при-

обретшие самостоятельность республики изначально были тяжким грузом, что их отделение даст стране возможность быстрее встать на ноги, что им некуда деться и что рано или поздно они приползут к России на коленях, подобно блудному сыну. Этим, в свою очередь, было обусловлены многие практические действия: и неоправданный разрыв жизненно важных экономических связей с рядом бывших республик Советского Союза, и демонстративная незаинтересованность в их внутренних проблемах, и неоправданное игнорирование их интересов.

Подобная позиция, рецидивы которой проявляются и поныне, была незамедлительно использована внешними силами, проявлявшими интерес к тому, чтобы освоить «освобожденное» Россией геополитическое пространство. Наибольшую активность проявили в 90-е годы Соединенные Штаты. За ними поспешили некоторые страны-члены Европейского Союза и Япония. На первых порах центром их внимания и интереса стали, с одной стороны, государства Прибалтики, с другой — республики Центральной (Средней) Азии и Закавказья.

Тем не менее СНГ, несмотря на его явную неэффективность, продолжало существовать и, как известно, все еще существует. В значительной степени это обусловлено тем, что длившееся столетиями пребывание ныне независимых республик в составе единого государства создало такую систему взаимных связей, что для их полного разрыва оказалось недостаточно совокупности усилий, предпринимаемых до сих пор как изнутри, так и извне Содружества.

Между республиками Советского Союза существовала не просто хозяйственная взаимозависимость. Они составляли цельный экономический организм. Расчленение этого организма нанесло всем его частям такие кровавые раны, что для их заживления потребовались десятилетия. Многие республики подверглись частичной, а иногда даже повальной деиндустриализации. Это, в свою очередь, повлекло за собой тяжелые социальные, политические и культурные последствия. В сложившихся условиях сохранение хотя бы некоторых хозяйственных связей, облегченное пребыванием в составе СНГ, оказывалось в ряде случаев жизненно важным.

Заметную роль сыграло и то, что длительное пребывание в едином государстве способствовало выработке у большинства граждан бывшего СССР общего (или близкого по качественным характеристикам) менталитета, схожих ценностных ориентаций, цементированных русским языком. Аналогичное воздействие оказывали на общественное сознание смешанный характер населения и наличие многочисленных родственных связей.

К началу нового века на ситуацию в СНГ начали влиять и некоторые новые обстоятельства. С одной стороны, наметилось некоторое (хотя и далеко не полное) экономическое оздоровление России. Тем самым возросла ее притягательная сила. В политике самой России явно усилился интерес к интенсификации отношений с бывшими советскими республиками. При этом словесная форма этого интереса, домини-

ровавшая в прошедшие годы, стала заменяться содержательной. Действие данного фактора будет, скорее всего, проявляться и впредь, хотя не исключено, что время от времени оно может тормозиться непродуманными и непрофессиональными выходками руководящих участников этого процесса.

С другой стороны, внешние силы, пытавшиеся «освоить» освобожденное Россией геополитическое пространство, допустили ряд ошибок. В частности, их бесцеремонное, хозяйское поведение в отдельных республиках постсоветского пространства (прежде всего в странах Центральной Азии), а также невыполнение ими многих широковещательных обязательств, вызвали заметный рост недовольства как у властвующей элиты, так и в более широких кругах соответствующих государств. Это, в свою очередь, придало дополнительные импульсы центростремительным тенденциям.

Изменившаяся обстановка обострила борьбу за постсоветское пространство. В ответ на более активную позицию России в Содружестве независимых государств внешние претенденты на геополитическое «освоение» этого пространства сменили тактику. Курс на заигрывание с властвующими элитами бывших советских республик, на их «прикармливание» уступил место установке на замену этих элит новыми, более управляемыми и в большей степени обязанными своим покровителям. Непосредственным следствием смены приоритетов стал феномен так называемых «цветных революций». Кое-где операция по смене элит удалась. В некоторых случаях — прежде всего в Центральной Азии — неудавшиеся попытки ее реализации привели к усилению ориентации стран этого региона на сотрудничество с Россией.

Пока ситуация в сфере действия СНГ, и шире на постсоветском пространстве, остается далеко неоднозначной. На нем сложилось несколько разнонаправленных, конкурирующих объединений. В качестве наиболее очевидных антагонистов выступают Организация Договора о коллективной безопасности в составе Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана, и Евразийское экономическое сообщество (в том же составе), с одной стороны, и Организация за демократию и экономическое развитие (иначе — ОДЭР-ГУАМ), членами которой являются Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова, с другой. Первые ориентируются на сплочение вокруг России, вторая стремится к интеграции с НАТО и Европейским союзом. Так называемыми непризнанными государствами (Абхазия, Приднестровье и Южная Осетия) создано свое специфическое объединение: Сообщество за демократию и права народов.

Особое место занимает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединяющая Россию, КНР, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Статусом наблюдателей в ШОС обладают Индия, Пакистан, Иран и Монголия.

Шанхайская организация сотрудничества, как следует из приведенного списка участников, выходит далеко за пределы постсоветского

пространства. Не исключено, что дальнейшее сближение ядра этой организации со странами-наблюдателями в конечном итоге приведет к их вхождению в ШОС.

Специфика ШОС — не только в том, что пребывание в ней Китайской Народной Республики, одной из наиболее быстро развивающихся и перспективных стран мира, создает особо благоприятные условия для дальнейшего наращивания сотрудничества между ней и Россией, но в том, что, составляя важнейший по значимости сегмент пояса безопасности Российской Федерации, она вместе с тем образует реальный мост, связывающий Россию с Юго-Восточной Азией и Океанией, куда, по общему признанию, постепенно перемещается центр мирового развития.

Сторонники подчиненно-пассивного подхода обычно именуют политику России по отношению к государствам, бывшим некогда составной частью Советского Союза, отрыжкой свойственных российскому населению неизжитых «имперских амбиций». Однако это утверждение — всего лишь публицистическо-пропагандистский выверт.

Реальные факты свидетельствуют об обратном. Приходится лишь удивляться, насколько спокойно прошел в свое время болезненный процесс развода союзных республик. Независимость была предоставлена им Россией не просто добровольно, но, по сути дела, по собственной инициативе, иногда даже против их воли. И никаких посягательств на полученную независимость впоследствии не было. Россия не раз заявляла, что не имеет территориальных притязаний к странам, с которыми некогда входила в состав Советского Союза. Подобную позицию разделяет значительное большинство российского общества, о чем свидетельствуют многочисленные социологические опросы.

Это, разумеется, не исключает того, что у России есть свои исторически обусловленные экономические, политические и духовные интересы на постсоветском пространстве — во всяком случае, не меньшие, чем у ее чрезмерно активных сравнительно дальних партнеров. Существует также ряд непростых проблем, требующих решения.

Одна из таких проблем обусловлена тем, что в трех странах-членах СНГ — Украине, Грузии и Молдавии — в результате сочетания ряда обстоятельств время от времени приходят к власти политические силы, враждебно настроенные по отношению к России. Это, в свою очередь, чревато рядом негативных последствий. В перспективе не исключены, например, демонстративный выход некоторых из этих стран из состава СНГ, их вступление в военные структуры НАТО и создание ими, при участии некоторых других государств, своего рода «зоны отчуждения», препятствующей связям России с ее партнерами в Западной Европе. В пределах возможного также и то, что, учитывая тягу к России заметной части населения стран ОДЭР-ГУАМ, подобные действия будут чреваты их дестабилизацией со всеми вытекающими негативными последствиями.

Не всегда адекватно ведут себя в этой ситуации и российские власти. Представляется неоправданной проявляемая ими политическая пассивность на постсоветском пространстве. Нередко ими игнорируется то очевидное обстоятельство, что внешняя политика вовсе не сводится к рыночным отношениям. Последние составляют лишь один из ее элементов — причем далеко не самый главный. Существуют общенациональные, в частности, геополитические интересы, которые вовсе не сводятся к рыночным. История внешней политики свидетельствует, что во имя сохранения добрых отношений иногда стоит поступиться некоторыми чисто материальными соображениями.

Важно также, чтобы временные, тем более случайные события не деформировали долговременную, глубинную потребность в сохранении исторически сложившихся связей между народами России, с одной стороны, и бывших советских республик, с другой. Это требует от российской внешней политики спокойствия, выдержки и способности не поддаваться на провокации. Полученная выгода во многом превзойдет возможные потери.

Крайне важно дальнейшее повышение привлекательности России для населения стран, некогда входивших в состав СССР. Оно позволило бы нейтрализовать любые попытки сеять в них антироссийские настроения. Известно, что общественное сознание гораздо устойчивее политических властей и режимов, которые приходят и уходят, и игнорировать его чаще всего не удается.

Серьезную проблему будет составлять существование на постсоветском пространстве группы непризнанных государств. Затяжные конфликты между ними и некоторыми бывшими союзными республиками, рассматривающими эти государства как неправомерно отколовшиеся территории, чреваты вооруженными столкновениями. Вместе с тем не исключено, что время и неизбежные политические перемены позволят существенно снизить остроту этих конфликтов. Решающей предпосылкой такого развития были бы дальнейшее осуществление Россией миротворческой миссии в районах конфликтов и безусловное невмешательство в них внешних сил.

В целом можно констатировать, что, добиваясь создания и укрепления лояльного, дружественного геополитического окружения, Россия, хотя и не всегда последовательно, но следует тенденции регионализации как промежуточного этапа на пути к глобальному миру, которая активно проявляется в разных формах в Западной и Центральной Европе, в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке и т. д.

Конкретные задачи, которые придется решать стране в этой ситуации, могут быть сведены к следующему:

— снятие еще существующих хозяйственных противоречий и создание по возможности более широкого единого экономического пространства;
— совершенствование механизмов военного сотрудничества, способных обеспечить безопасность всех нуждающихся в ней государств региона;

— координация позиций по наиболее важным и принципиальным вопросам внешней политики.

В целях решения этих задач России предстоит разработать и предложить своим партнерам по СНГ, в первую очередь тем, кто твердо ориентирован на дальнейшее тесное сотрудничество с нею, серию новых взаимовыгодных интеграционных проектов.

Приведет ли решение названных задач к более тесному сплочению заинтересованных государств региона и созданию объединения, подобного Европейскому союзу, покажет будущее. Пока подобная цель не стоит, и ставить ее не имеет смысла. Во всяком случае, вряд ли можно рассчитывать, что все страны, вошедшие в свое время в состав СНГ, согласятся участвовать в этом процессе. Будучи независимыми, они свободны в своем выборе. Но в своем выборе свободна и Россия. У нее есть достаточно резервов, чтобы минимизировать негативные последствия возможного отказа отдельных государств принять участие в намечающемся реальном интеграционном процессе.

Важнейшее значение для России имеют ее отношения с самым крупным и сильным государством современного мира — Соединенными Штатами. Характер этих отношений определяется не столько симпатиями или антипатиям лидеров, находящихся в тот или иной момент у власти, сколько соотношением совпадений и расхождений интересов.

Совпадение интересов России и США наиболее рельефно проявляется при подходе к проблемам общемирового значения. Оба государства заинтересованы в стабилизации нынешнего миропорядка, столь неустойчивого и противоречивого. Одной из важнейших предпосылок такой стабилизации является сохранение и упрочение мер по недопущению дальнейшего распространения оружия массового поражения.

Как уже отмечалось выше, в последние годы заметно ослабли усилия сторон, направленные на продолжение процесса разоружения. Могут оказаться под вопросом и уже достигнутые договоренности в этой области, поскольку подходит к завершению срок действия договоров, закрепивших уровень разоружения, оговоренный в прошлом. От взаимных усилий России и США в решающей степени зависит, не окажется ли человечество на пороге нового всплеска конкуренции в накоплении средств, способных уничтожить и человечество, и саму планету. Не допустить такого хода событий в интересах и США, и России.

И США, и Россия являются естественными союзниками в борьбе против пароксизмов международного терроризма. Их сотрудничество на этом поприще, испытанное на практике, приносило (и приносит) положительные результаты. Поэтому оно заслуживает продолжения.

Сложнее обстоит дело с притиркой позиций сторон по конкретным вопросам, подходами к текущим событиям, к их оценке и способам решения.

Руководство США, ослепленное хотя и убывающим, но тем не менее реальным могуществом своей страны, хотело бы видеть в России младшего партнера, безотказно следующего в фарватере определяемой

ими политики. Поэтому его раздражают любые попытки России проявлять самостоятельность во внешнеполитических вопросах. В свою очередь у России, оправляющейся от катастрофических последствий экспериментов недавнего прошлого, окрики и нравоучения, раздающиеся из-за океана, вызывают естественную негативную реакцию.

В США продолжает пользоваться серьезным влиянием антироссийское лобби, исходящее из того, что сложившиеся обстоятельства открывают для них беспрецедентную возможность надолго (если не навсегда) вытеснить Россию с мировой арены как значимую силу. Соответственно, рассматриваются различные способы такого вытеснения: демонтаж сложившейся системы «взаимного сдерживания», создание вокруг России нового «санитарного кордона» и ее «выдавливание из Европы», стимулирование смены руководства по образцу «оранжевых революций» на Украине и в Грузии, стравливание России с Китайской Народной Республикой и т. д.[5]. Пока это лобби, хотя и воздействует на отдельные решения, принимаемые властью, не оказывает определяющего влияния на отношение США к России. Однако кто в состоянии гарантировать, что при некоторых обстоятельствах ситуация не изменится к худшему?

[5] См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 1998.

Не может не вызывать раздражения манера поведения США на международной арене. Американская цивилизация (если таковая уже сложилась) относительно молода. Во всяком случае, она существенно моложе европейской. И внешнеполитический опыт у нее гораздо беднее. На протяжении столетий США довелось иметь дело главным образом с существенно более слабыми странами — сначала в Латинской Америке, а затем (хотя и в меньшей степени) в Европе. Отсюда укоренившаяся привычка, ставшая неотъемлемым элементом внешнеполитической стратегии и тактики, не договариваться о взаимоприемлемых решениях и подходах, а навязывать свои позиции, свою волю, используя разные сочетания «кнута и пряника» при доминирующей роли «кнута». Этот метод широко используется и ныне, несмотря на то, что он серьезно подмочил репутацию Соединенных Штатов как носителя ценностей, представляющих интерес для остального мира, и стал причиной многих дипломатических и военно-политических провалов[6].

[6] См.: Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. — М., 2005.

Россия не может не учитывать особенности внешнеполитической стратегии и поведения США. Поэтому, решительно отстаивая свои национальные интересы, противодействуя усилиям, рассчитанным на то, чтобы навязать оппоненту свою волю, вмешиваться в его внутренние дела, поссорить его с соседями, ей приходится проявлять максимальную терпимость, чтобы не скатиться в примитивный антиамериканизм и не позволить спровоцировать себя на острую реакцию, способную лишь ухудшить обстановку.

В 2006—2007 годах некоторые действия и высказывания официальных представителей США побудили обозревателей в разных странах мира к размышлениям, не вползает ли человечество в нечто, напомина-

ющее новую «холодную войну». Многие отвечают на этот вопрос положительно. Представляется, однако, что для такого вывода нет пока достаточных оснований.

Во-первых, в серьезном обострении отношений с Россией не заинтересованы сами Соединенные Штаты. Россия до сих пор нужна им как партнер при решении ряда важных для них вопросов.

Во-вторых, «холодную войну» невозможно вести в одиночку. Между тем насчитывается не так уж много стран, готовых стать плечом к плечу с США в ничем не спровоцированном новом «крестовом походе» против России.

В-третьих, последнее время США неуклюжими действиями подорвали не просто свои международные, но и экономические позиции. Есть все основания считать, что, оставаясь все еще самой могущественной державой мира, они уже миновали пик своего влияния, и их дальнейшее развитие скорее всего пойдет по нисходящей[7].

[7] См., напр.: Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. — М., 2004. — С. 23, 150—169.

Следовательно, есть основания предположить, что в дальнейшем отношения России и США будут оставаться на приемлемом уровне — без особой теплоты, но и без острого противостояния. США придется смириться с тем, что у России есть своя система внешнеполитических приоритетов и интересов, и что с ней необходимо считаться. В свою очередь, у России нет никаких причин «задираться» с Соединенными Штатами. Ее вполне устроило бы сохранение нормальных и эффективных дипломатических каналов связи с США, которые можно было бы использовать для выгодного сторонам решения проблем, представляющих взаимный интерес.

На протяжении ряда лет у России складывались нормальные отношения со странами Европейского Союза. В числе обстоятельств, способствующих этому, можно назвать следующие:

— как уже отмечалось, российская цивилизация по ряду важнейших показателей, в том числе по ценностным установкам, близка к группе европейских цивилизаций;
— у России исторически сложились прочные, добрые отношения с рядом европейских стран, в том числе составляющих стержень Европейского союза;
— Россия и Европейский союз прочно связаны экономическими узами. Россия заинтересована в поставках из стран Евросоюза широкого ассортимента полуфабрикатов и готовой продукции (изделий машиностроительной и электронной промышленности, товаров широкого потребления и продовольствия), а также современных технологий; в свою очередь страны Евросоюза извлекают огромные выгоды из возможности беспрепятственно использовать емкий российский рынок и во многом зависят от поставок российских энергоресурсов;
— добрые отношения между Россией и Европейским союзом являются надежной гарантией сохранения и упрочения безопасности и мира на европейском континенте.

Данные обстоятельства, скорее всего, позитивно скажутся на содержании нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которое (если не будет торпедировано) заменит предшествующее (срок его действия истекает в 2007 году).

Сказанное, естественно, не означает, что в отношениях между Россией и странами Европейского союза нет проблем, вызывающих тревогу и требующих разрешения. Назовем некоторые из них.

Внешняя политика стран Евросоюза тесно увязана с деятельностью организации Североатлантического договора, которая, как уже отмечалось, несмотря на трансформацию последних лет, сохранила элементы антироссийской ориентации.

Изменение соотношения сил в Европе, обусловленное ликвидацией СССР, побудило Евросоюз, в тесной увязке с НАТО, взять на вооружение стратегию экономического, политического и военного проталкивания своего влияния в восточном направлении. Он продолжает это делать, не считаясь при этом с интересами России (известная в истории международных отношений концепция Drang nach Osten). И до сих пор окончательно не определено, где Евросоюз намерен остановиться. Вне зависимости от целей, которыми обосновывается такое продвижение, оно само, как и его возможные последствия, не могут не порождать недоразумений и напряженностей;

В странах Европейского союза, как и в Соединенных Штатах, имеется свое антироссийское лобби. Его влияние заметно усилилось после вхождения в Евросоюз ряда восточноевропейских государств, властвующая элита которых широко использует антироссийскую риторику для упрочения своих позиций в новом международном сообществе. Особенно четко эта установка проявляется в позиции Польши. Основная цель указанного лобби — закрепить в общественном сознании граждан Евросоюза негативное представление о России как о монстре, чуждом европейскому менталитету, и об исходящей от него потенциальной угрозе демократической Европе.

Подобная деятельность, хотя и не определяет, но тем не менее заметно ухудшает общую атмосферу на европейском континенте: стимулирует взаимное недоверие и вносит элемент неопределенности в отношения, в целом позитивные.

Дополнительную тень на эти отношения отбросили наметившиеся в 2005—2006 годах разногласия вокруг поставки в Европу энергоресурсов. Сама по себе эта проблема экономическая. Однако ее искусственное нагнетание придало ей внешнеполитическое звучание.

Суть этой проблемы в следующем. К XXI веке Россия превратилась в важного экспортера природного газа и нефти. Этому способствовал ряд обстоятельств. И главное из них — глубокий кризис промышленного производства, вызванный реформами 90-х годов. В результате в структуре внешней торговли страны стал доминировать экспорт сырья, в первую очередь энергоносителей. Перспектива превращения в сырьевой придаток промышленно развитых государств вряд ли может

соблазнить государство, претендующее на заметную роль на международной арене. Однако оказалось, что в краткосрочном плане кризисные сдвиги в структуре экспорта России могут принести и некоторые дивиденды.

Мирохозяйственные сдвиги последнего времени, прежде всего бурное промышленное развитие таких гигантов как Китай и Индия, привели к росту мирового потребления природного сырья и в первую очередь энергоресурсов. Это выявило перспективу их вполне вероятного дефицита и стало причиной во многом спекулятивного роста цен. Соответственно возросли влияние и возможности экспортеров соответствующих товаров.

Сложившаяся ситуация породила в странах Западной Европы, являющихся главными импортерами энергоресурсов, стремление лишить Россию появившихся у нее преимуществ, приобретя доступ к расположенным на ее территории источникам энергетического сырья и средствам его доставки. Для этого были использованы различные методы давления — от обвинений России в энергетическом гегемонизме и шантаже до угроз переключиться на другие источники энергоресурсов.

Видимо, это давление будет продолжаться еще некоторое время. Для того, чтобы оно прекратилось, необходимы твердость при отстаивании своих интересов и меры по диверсификации рынка сбыта энергоресурсов, делающие бессмысленными постоянные угрозы европейских потребителей переключиться на других поставщиков или иные энергоресурсы. Однако коренное решение проблемы состоит в том, чтобы последовательно уменьшать удельный вес экспортируемых энергоресурсов во внешней торговле и наращивать долю товаров глубокой переработки и высоких технологий. В этом случае можно с полным основанием рассчитывать, что проблемы внешней торговли с Западной и Центральной Европой утратят навязанный им политизированный характер и вернутся в свое естественное состояние.

Пока, однако, учитывая описанные выше обстоятельства, не исключено некоторое охлаждение отношений между Россией и Евросоюзом в целом. Это, в свою очередь, делает необходимым, не ослабляя усилий, направленные на возобновление общих позитивных сдвигов, стимулирование развития отношений с теми странами-членами Европейского союза, которые открыты России и в полной мере готовы на дальнейшее сближение с нею.

Богатые перспективы открывает перед Россией упрочение и развитие отношений со странами Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Арабского мира. Регион Юго-Восточной Азии являет собой пример быстрого и устойчивого развития. Тем не менее на протяжении многих лет значение этого региона для внешней политики СССР, а затем России, учитывалось не в полной степени. Последние годы ситуация выправляется. Этому в значительной степени способствует не только возросшее понимание значимости стран этого региона самой Россией, но и то, что позитивному развитию отношений между сторо-

нами в решающей степени способствует исторически обусловленная общая благоприятная атмосфера. У России и у стран Юго-Восточной Азии никогда не было (как и нет сейчас) сколько-нибудь значимых противоречий, столкновений и взаимных претензий. Следовательно, на пути их экономического сотрудничества не существует внешних барьеров. Положительную роль с этой точки зрения играет активное участие России в международных объединениях государств Юго-Восточной Азии.

Аналогичным образом складываются отношения России с государствами Латинской Америки. Сейчас они находятся на стадии глубокой позитивной трансформации. Проходит она неравномерно и не повсеместно. Тем не менее очевидно, что в ближайшие годы большинству стран этого региона предстоит сыграть немаловажную роль на мировой арене.

Государства, переживающие такую трансформацию, обычно нуждаются во внешней помощи и поддержке. По ряду причин, обусловленных спецификой исторического развития, в качестве источника такой помощи и поддержки чаще всего рассматривается, наряду со странами Евросоюза, и Россия. В свою очередь, для России государства Латинской Америки представляют незаурядный интерес как экономические партнеры и возможные политические союзники.

У России издавна сложились всесторонние добрые отношения и со странами арабского мира. Основанные на устойчивом интересе, они всегда приносили сторонам взаимную пользу. Отсюда стремление России не только сохранить свое присутствие в арабском мире, но и по возможности придать ему новый динамизм.

Это тем более необходимо, что сам арабский мир переживает сейчас непростое время. В ряде его сегментов происходит нарастание фундаментализма. Обострившиеся внутренние конфликты, перманентное противостояние Израиля и Палестинской автономии, нападение США на Ирак с последующей его оккупацией, сублимация нарастающего массового протеста в террористические акции, осуществляемые в том числе за пределами зоны конфликта — все это превращает регион в бурлящий котел, взрыв которого может разнести в клочья значительную часть современного мира. Поэтому Россия не может (и не вправе) отстраниться от участия в усилиях, направленных на нормализацию ситуации.

Внешнеполитической стратегии России в странах бывшего «третьего мира» (к ним в большей или меньшей степени могут быть отнесены государства всех трех упомянутых выше регионов) в немалой степени способствует возникшее еще в годы существования Советского Союза представление о ней как о последовательной защитнице дискриминируемых и угнетенных народов, превратившееся в устойчивый элемент общественного сознания.

После длительного периода пассивности Россия мало-помалу возвращается в эти страны. Она вошла в качестве наблюдателя в состав

Организации Исламской Конференции. Начала свою работу группа стратегического видения «Россия — мусульманский мир», которая может быть использована в качестве инструмента развития партнерских отношений Российской Федерации и мусульманских стран. Все это, однако, только первые шаги на сложном и долгом пути.

То обстоятельство, что Россия, несмотря на свою растущую мощь, не преследует никаких экспансионистских целей и не намерена принимать участия в каких бы то ни было идеологически окрашенных «походах», что она готова, способствуя взаимовыгодному решению существующих конфликтов и активно участвуя в поиске ответов на новые вызовы XXI века, внести свой вклад в нормализацию нынешнего миропорядка, делает ее желанным партнером для подавляющего большинства государств современного мира. В свою очередь, она до сих пор проявляла готовность к такому партнерству, отвергая при этом любые попытки делить существующие суверенные государства на «белых и пушистых», с одной стороны, и изгоев, с другой. Очень важно, чтобы эта позиция сохранилась и впредь, и чтобы любые провокации, с чьей бы стороны они не происходили, не побудили ее свернуть с этого пути. Невмешательство в дела других стран должно оставаться основным постулатом российской внешней политики — вопреки любым соблазнам и внешне убедительным причинам.

Сказанное, естественно, не исключает динамики внешнеполитических приоритетов. Ей может способствовать происходящее ныне изменение соотношения сил на мировой арене. Сейчас, как уже указывалось выше, все чаще говорят о грядущем появлении на ней по меньшей мере трех новых великих держав — Китая, Индии и Бразилии. Естественно, что российская внешняя политика не может не реагировать на эту подвижку. Со всеми этими странами у России сложились хорошие, партнерские отношения. Тем не менее все говорит о том, что им надлежит придать дополнительную динамику. Это вполне возможно, учитывая значительное объективное совпадение геополитических и экономических интересов.

* * *

В заключение имеет смысл еще раз вернуться к вопросу об отношении России к глобализации.

Если ориентироваться на внешние показатели, степень ее включенности в глобализационные процессы может показаться высокой. Нынешняя структура средств массовых коммуникаций немногим отличается от той, которая сложилась в остальном мире. В содержательном плане они воспроизводят информационные потоки, которые исходят из наиболее влиятельных информационных агентств. В Россию беспрепятственно поступает зарубежная литература и периодика. На нее вещают на русском языке и на языке других народов России мощные иностранные радиостанции. Территория России в своей основной час-

ти подключена к интернет-сети и к международным системам электронной связи.

Информационная глобализация стала одной из причин укоренения в России так называемой масс-культуры, определяющей ныне многие стороны поведения людей — от моды до форм межличностного общения и ценностных ориентаций. Все заметнее ее влияние на духовные предпочтения и, соответственно, на процессы, происходящие в сфере искусства и классической культуры.

Многократно умножились людские потоки как в Россию, так и из России. Соответственно, резко возросли эмигрантские и иммигрантские диаспоры. Многие миллионы российских граждан регулярно проводят свои отпуска вне пределов страны, в том числе в самых дальних, экзотических странах.

Заметные сдвиги происходят и в экономической сфере. Из года в год возрастает объем товарной массы, поступающей в Россию — в том числе продовольствия и изделий бытового потребления. Структура предложения в этой сфере немногим отличается от той, которая существует в самых развитых странах мира.

Высокие цены на энергетическое сырье на мировых рынках стали важнейшим источником денежного наполнения бюджета и относительной стабильности финансовой системы страны. В свою очередь, зарубежный капитал проявляет растущий интерес к капиталовложениям в России — прежде всего в те отрасли, производству в которых гарантируется высокий, гарантирующий выгоду спрос. Некоторым крупным российским концернам, главным образом тем, которые заняты добычей сырья и так называемым первым переделом, иногда удается зацепиться за западные производственные сферы и рынки сбыта.

Но это только одна сторона дела. Существует и другая. Внимательно приглядевшись, нетрудно установить, что глобализационные процессы не только не проникли в глубинные структуры российского общественного организма, но даже частично не затронули их. Это можно наблюдать даже там, где глобализация достигла наибольших успехов. Источниками информации международного уровня пользуется, как показывают исследования, лишь меньшая часть населения — прежде всего жители мегаполисов и наиболее крупных городов. То же самое можно сказать об использовании интернета и электронной связи. Отдых за рубежом — даже в относительно недалекой и дешевой Турции — может себе позволить лишь сравнительно благополучное меньшинство. Широкий ассортимент зарубежных товаров остается недоступным для большинства из тех, кто с трудом сводит концы с концами к моменту очередной получки. А число фирм, которым действительно удается пустить корни на зарубежных рынках, можно перечислить на пальцах.

Главное, однако, не в этом. Даже на том невысоком уровне проникновения, которого достигла в России глобализация, четко проявляются ее неизбежные последствия, как позитивные, так и негативные. При этом в ряде случаев негативные оказываются более значимыми.

Как правило, это те же последствия, от которых страдают и другие страны: разрушительное воздействие на традиционные сферы производства, стимулирование неконтролируемой иммиграции, размывание ценностных и нравственных установок населения, разложение национальной культуры, расширение сферы эпидемических заболеваний и т. д. Отсюда растущее сопротивление глобализации, которое фиксируют в России все серьезные источники.

Разумеется, закрываться от глобализации, заползая в сооруженный собственными руками бетонный бункер, бессмысленно и бесполезно, тем более, что Россия уже включилась в глобализацию — по крайней мере отчасти. Но стоит ли ей без оглядки погружаться в бурное море глобализации, не просчитав возможные варианты и их последствия? Не приведет ли это к катастрофе?

Подстерегают страну и иные опасности. Не соскользнет ли она, поддавшись мощному давлению извне и изнутри, на путь политики, проводившейся в 90-е годы, со свойственным ей игнорированием внешнеполитических интересов страны и бездумным следованием указаниям, поступавшим со стороны? Или напротив: не усилит ли укрепление позиций России на мировой арене, происходящее на фоне предстоящих подвижек во властных структурах, соблазн, следуя примеру других крупных держав, использовать это укрепление для силового «снятия» вопросов, не поддающихся дипломатическому решению. И то, и другое отклонения от наметившегося и проводимого — хотя и не без колебаний и откатов — внешнеполитического курса были бы чреваты тяжелейшими потерями. Подобное развитие событий маловероятно, но полностью исключать его тоже не следует.